

ВЛАДИМИР АФАНАСЬЕВ

СТОЛЛЕТИЕ

16+

Владимир Афанасьев

СТОЛлетие

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Афанасьев В. С.

СТОЛлетие / В. С. Афанасьев — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-532-98168-3

Жизнь - это калейдоскоп событий, связанных между собой, как цепь связана звеньями. В повести связующим звеном стал стол. Он прожил сто лет, отсюда и название - СТОЛлетие. Люди, создавая вещи, вкладывают в них часть своей души. Я, как и многие, верю, что такие рукотворные предметы имеют свою душу и являются свидетелями разных событий. Мой стол – яркий тому пример. Мне удалось его «разговорить». Он расскажет вам о своём рождении по воле моего прадеда, об увиденном и услышанном за эти годы, о судьбах людей, странных и смешных, жестоких и хитрых. О наших человеческих пороках и людской доброте. Меняются события, города, страны, строй, а люди остаются людьми...

ISBN 978-5-532-98168-3

© Афанасьев В. С., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Владимир Афанасьев СТОЛлетие

Повесть получилась короткой, зато без лишней патетики. Будем считать, что это концентрированная форма письма. А всяк волен добавить своей фантазии по вкусу.

* * *

С вами, наверное, никогда не разговаривала мебель. Поэтому уверен – я буду первым. Да-да, я стол. Мне 100 лет. Я сделан из дуба. Сделан хорошо, добротно, на века. Да только век мой подошёл к концу, и завтра, если верить услышанному разговору, меня вывезут на дачу, где, скорее всего, пойду на дрова. А коль так, у меня ещё есть время рассказать вам немного о себе.

Сразу хотел бы извиниться, если время, место, имена, звания не совпадут. В этом не силен, потому что я стол, а не историк. Что с меня взять, с деревянного-то?

Мне за столетие часто приходилось слышать, как люди жалуются, что рождаются в муках. Х-мммммм. А позвольте спросить: хоть один из вас, люди, задумывался, в каких муках рождается деревянная мебель? А давайте-ка я вам о себе расскажу. Как я родился.

По личному заказу директора Сибирско-Азиатского банка Афанасьева, отправилась на поиски моего прародителя, векового дуба, бригада дровосеков-лесорубов. Искали они не один день, оставив десятки насечек на тех деревьях, что под заказ не подошли, и коих судьба уберегла... пока.

Они нашли то, что искали. Мой прародитель был высок и статен. Выдержал он за свой век и ветра, и морозы, и удары молний. Не было на нём ни порчи, ни вредителей.

Долго они прицеливались, замеряли, готовили клинья. И началась... казнь! Ни за зло, ни за грех, а лишь по прихоти. И впились в тело дубовое зубья пилы, и начали вгрызаться, перерезая «артерию за артерией», «позвоночник» и «аорту». Если бы вы только знали, какая это боль, когда пилюю по живому. И вздрогнул мой прародитель, и заскрипел, застонал, прося пощады у палачей. А когда он падал, пытался ветками-руками удержаться за друзей-товарищей из дубравы. А те лишь в страхе отворачивались, боясь такой же участи. И ударившись оземь так, что внутри лопнула плоть, он прижался к Матушке-Земле, рыдая и прося защиты. Но и та безмолвствовала перед «варварами». А потом прокуренные дровосеки с топорами, забравшись на смертельно раненое «тело», с шутками и матами срубили ветки. После этого ещё с живого, без всякого наркоза содрали кору-шкуру. По итогу его разрезали на части и на обозах повезли в столярку, продолжив там экзекуцию.

В своих песенках вы поёте: «Я рубаночком радовал досочки...» Радовать рубаночком? Это когда жало въедается под оставшуюся кожу, начиная её снимать слой за слоем, да в мясо? От этой дикой боли даже стружка сворачивается в пружину. А потом ещё будут стамески, лобзики, зубила, наждаки, шурупчики и гвоздики. И, как венец всему, меня, изрезанного и изнизанного, измажут каким-то жутко-вонючим лаком и оставят в сарае на несколько дней, ждать, когда моё тело покроется панцирем.

Ну что? Хотите быть столиком? Или оставим всё как есть? Тогда не нойте и берегите свою мебель.

А вообще-то сегодня разговор не обо мне, а о тех, кому я служил. Итак, начнём...

Моим первым хозяином стал Григорий Афанасьев. Это он заказал мастерам вырезать меня из моего родителя. Он же придумал мне и форму, и размер. Григорий ежедневно приезжал в мастерскую-«инквизиторскую», лично убедиться, что дело движется, и можно без сомнения отдать обещанные деньги за добросовестный труд. Делал он замечания и менял детали. В общем, ему на радость, работа спорилась. Когда процесс был завершён, меня занесли к Григорию в кабинет и установили в указанном им месте. Хозяин гладил меня и радовался как

ребёнок. Восторга не скрывал. Мастер стоял в дверях и, наблюдая, улыбался. Банкир взглянул на мастера и спросил:

– Почему один? Зови остальных.

Когда тот вернулся со всей командой, двое старших сыновей банкира внесли большую корзину. В ней были шикарные волчьи шапки, а внутри каждой – двойная плата, да ещё и мелкие подарки: часы, трубки, портсигары, карандаши заморские и даже какие-то сладости. Порадовал, конечно, он мастеров своей щедростью. Долго они ему в ноги кланялись и обещания всякие давали, на что тот благодарственно кивал головой.

Сам Григорий был мужчиной крепкого телосложения, среднего роста. Скуластый, с красивой пышной бородой, густыми бровями, голубыми глазами и очень душевной улыбкой. Был он из рода староверов. Тех самых, что бежали в матушку Сибирь от православия и Никона. Там они и осели. Многие от всего мира деревнями, со здоровенными заборами по всему периметру, отделились, а некоторые остались в народе. Из-за этого у них между собой раскол произошёл.

Григорий один из немногих, кто получил образование. Дело своё начал ещё будучи юношей. Открыл в городе большую лавку, где продавал товары староверческих хозяйств. Не только продукты, но и сбруи, сёдла, лопаты, посуду и много других качественных изделий, сделанных руками староверов-мастеров. Потом он передал это дело под контроль родственнику своему, а сам поступил на государеву службу в финансовую контору.

Никогда не ленился, водку не пил, книгами умными увлекался да математикой. Шаг за шагом, и к пятидесяти годам дорос до директора Сибирско-Азиатского банка. Был он очень требовательным, человеком дела. Любил порядок во всём. Многие его боялись, но всё же уважали. Имел Григорий грамоты благодарственные от царя-батюшки, которые в аккурат надо мной и висели. Наверное, за всю историю никто ко мне так не относился: хозяин меня лелеял и за мной следил, никогда горячего не ставил. Даже чернильницу держал в специальном блюде. Если чернила и разольются, то до меня не достанут.

Размещен был я в кабинете, в окружении красавцев стульев и шкафов. Все выделялись вогнуто-прогнутыми формами с изящной резьбой. Любил наш хозяин изогнутые формы, хотя сам был прямолинейным. В кабинет к себе никого, кроме детей, не пускал. Те, гурьбой, любили залезть под меня и с восторгом рассматривали все узоры. Женщины иногда бранились, боясь какой-нибудь детской пакости, а Григорий, наоборот, хотел, чтобы дети сызмальства привыкали к красивому да в будущем толк в искусстве знали. Мне нравилось их укрывать собою. Сразу ощущалась сила, и появлялось чувство гордости. Иногда даже думал, не дай Бог, конечно, если что-то сверху рухнет, у меня хватит прочности ребят уберечь.

Это были мои первые дни на белом свете в виде стола. Жизнь прекрасна! Банкир часто засиживался до глубокой ночи: ответственность заставляла. Не могу я не упомянуть ещё об одном его качестве – это меценатство.

Не боялся он жертвовать деньги, повторяя: «С собой туда не унесёшь, а помогать Господь велел» или «У гробов карманов нет». Помогал он больницам, и железную дорогу не без его участия строили. Помогал немощным. Зато всяких попрошаек да тунеядцев, что на опохмел копейку просили, велел гнать со двора поганой метлой.

Несмотря на столь высокий статус, не боялся он за топор, пилу или рубанок взяться. Всё у него в руках играло. Наверное, я зря об этом начал, ведь опять по живому.

В одной из своих поездок в столицу увидел он дверь в терем какой-то. Дверь огромная, двухстворчатая, метра три шириной и, может, шесть высотой. Из прочного дерева, веса тяжеленного, а открывалась та дверь одним пальцем. Была она делом рук каких-то немецких мастеров.

И «заболел» Григорий идеей себе такую дверь установить. Нашёл он одного мастера и взял его с собой в столицу. Кормил, поил за свой счёт. Тот дня два дверь изучал да чертежи делал, а по возвращению немедля за работу взялся. Только до конца не достроил – помер. Так,

Григорий по тем чертежам сам и завершил дело. А мастера похоронил как положено; деньги, что за работу обещал, все до копейки вдове отдал.

Нанял он специалистов: ту дверь на петли повесить. Только сам больше остальных и работал. Тогда Григорий и переусердствовал – спину потянул. Два дня от него лекари не отходили, уж думали, что дверь ему теперь и ни к чему. Но крепкое сибирское здоровье не подвело, и через две недели он уже ходил, ни за что не держась.

Не мог банкир нарадоваться той двери. Особенно его приводило в восторг оказанное к ней внимание посторонних. Пришел однажды купец, спросил разрешения замеры сделать. Так Григорий на радостях чуть оригинальный чертёж не отдал, да вовремя спохватился.

Была у него мечта: Сибирь сделать не хуже Питера или Москвы. Чтобы приезжали сюда богачи да деньги свои здесь тратили. Чтобы дороги и города строили, а с ними заводы и фабрики, и чтобы народ богател на земле Сибирской, ведь недра её полны богатств. Почва плодородна, а в лесах полно зверья всякого. Но самое главное – народ. Люди у нас какие хорошие! Мастеровитые, трудолюбивые, умные. В беседах с разными купцами да с миллионщиками Григорий эти достоинства отмечал. Многие соглашались, а некоторые смеялись, говорили, что русского мужика водкой в любое русло направить можно.

Жил Григорий большой мечтой, растил двенадцать душ-детей, смалу прививая им любовь к труду и к России. Верил он, что поднимется Сибирь-матушка. Верил он аж до самого 1917 года, пока не начались брожения, волнения. Пока не начался Красный террор во имя «светлого будущего». Новости были о революции, о вооружённом перевороте во главе с каким-то Лениным, об ополчениях. Всё это происходило где-то далеко в Москве, в Петрограде, и хотелось верить, что никогда не дойдёт до Сибири.

Надежды, увы, не оправдались. В начале восемнадцатого года местная жандармерия не раз вступала в перестрелку с какими-то Революционными ячейками, количество которых росло день ото дня, а к середине того же года повстанцы уже хозяйничали в городе. Однажды Григорий сидел у себя в кабинете, когда забежала жена и сказала, что какие-то люди требуют его. Он спокойно встал, велел всем оставаться в доме, а сам пошёл на выход. Дверь толкнул аккуратно, но та не открылась. Пришлось толкать с силой, и она аж закрипела со стоном.

– Что за чертовщина? – выругался он, стоя на пороге и оглядывая дверь. – Надо будет разобраться.

Не знал Григорий тогда, что преданная дверь не случайно его не выпускала. Она видела, что за люди пришли.

У дома его ждали человек десять–двенадцать. Один из них был одет в кожаную куртку. На руке у каждого виднелась красная повязка.

– Чем могу быть полезен, господа хорошие? – спросил Григорий, улыбаясь и стараясь держаться спокойно.

Он знал, что жил всегда по совести и зла не делал.

Все ждали, что тот парень в кожанке ответит банкиру, но после небольшой паузы он растегнул кобуру, достал наган и, не говоря ни слова, выстрелил Григорию в грудь, в его большое, доброе сердце. Хозяин сразу и не понял, что так больно кольнуло. Он ещё стоял несколько секунд, а потом начал падать, понимая, что уже ничего не успеет сделать в этой жизни, даже перекреститься.

Находившиеся рядом с этим революционером от неожиданности присели или шарахнулись в сторону, не веря произошедшему. Никто не ожидал такой развязки.

– Так будет со всеми эксплуататорами и капиталистами! – сказал юный палач, пряча наган в кобуру.

Он гордо окинул взглядом напуганных единомышленников и пошёл вверх по улице. Немного постояв, человек пять бросились его догонять, остальные пошли в другую сторону,

наверное, зная, что Григорий, несмотря на его высокий чин и состоятельность, был достойным человеком, заслуживающим уважения...

В это время на пороге уже рыдали, кричали женщины и дети. Мужики сжимали кулаки, понимая, что это начало большой беды. Григория занесли в дом, и уже через 2 часа в доме было очень много народу. Одни клялись отомстить заезжему революционеру, другие призывали уходить в тайгу.

Вечером решено было созвать всех своих, где старейшины примут решение. Весь оставшийся день прошёл в молебне за упокой души убиенного.

В дом постоянно приходили люди, не только старoverы, а все, кто его уважал. И таких было много, очень много. С заходом солнца дверь закрыли. В полночь собрался народ и всю ночь помогал грузить обозы. Дети тихо плакали, но понимали, что такие перемены необходимы.

Вот так однажды несколько тысяч русских людей, конные, пешие и на обозах, покинули насиженные и обжитые места, взяв курс на Китай. Те самые люди, мечтавшие о сильной и богатой России, покидали её, чтобы на долгие годы поселиться в чужой стране. Они не бежали – они уходили от неминуемой смерти. Увозили с собой культуру и любовь к труду. По дороге на чужбину они потеряют сотни людей. Вся дорога будет отмечена могильными крестами. Но самый первый крест установлен Григорию Афанасьеву.

В городе после отъезда старoverов воцарилась паника. Целые районы и деревни вокруг города опустели за один день. Брошенные дома ещё какое-то время стояли нетронутыми, пока не пришла директива из реввоенсовета – экспроприировать капиталистическое добро. Что тут началось... Но не любили советские книжки говорить о мародёрах – их называли экспроприаторами. Брали всё, что могли, а что не могли – портили или бесцеремонно уничтожали.

Когда в дом Афанасьевых ворвались вооружённые люди, стало ясно, что им не до красивого. Они смеялись, матерясь, искали еду и ценности, круша и ломая, что встретится на пути. Из дома вынесут почти всё, кроме меня и шкафа, а спустя какое-то время придёт красный комиссар и решит, что штаб реввоенсовета будет здесь. С этого дня начнётся в моей жизни большой кошмар. Сколько людей, сколько судеб пройдет мимо меня. Начнут убивать граждан только за то, что те думают иначе или мечтают о другом. Новая власть пожелает сначала всё разрушить, а потом на пепелище строить своё. Афанасьев же хотел, чтобы все жили в достатке, а новая власть за такие мысли будет ставить к стенке. Всё чаще и чаще я буду видеть пьяных людей и всё реже работяг. Всё реже люди станут говорить о Боге и всё чаще материться. Поиск и уничтожение врагов станет нормой жизни. Если врагов больше нет, их надо придумать и в конце концов уничтожить. Я понял – чтобы меня не покорило, надо меньше обращать на всё внимание. Пусть начальники сменяют друг друга, пусть на смену икон пришли портреты идолов, моя судьба – нести на себе этот груз нового времени.

Я мог бы рассказать несколько историй, но они будут слишком похожи друг на друга. Пропущу несколько лет. За это время меня перевезли в новое здание, что на центральной площади, разместив в кабинете начальника НКВД. Не было у меня постоянного хозяина аж до 1938 года. Итак...

Следующим моим владельцем станет Пётр. Он войдёт в кабинет в чине майора и будет хозяином в этом небольшом сибирском городе. Мы как-то встречались с ним – в восемнадцатом году. За эти двадцать лет он очень изменился: повзрослел, возмужал, на лице появилась уверенность в правильности своих поступков. Но начну по порядку. Всё, что сейчас поведаю, было собранно мною в историю из рассказов, бесед, писем, телефонных звонков.

Итак, в небольшом сибирском городке жили-были три товарища: Пётр, Семён и Екатерина. Проживали на одной улице, недалеко друг от друга. Росли, учились, играли вместе. В общем, были не разлей вода. И, будучи подростками, клялись друг другу в вечной дружбе. Скажу больше – и Пётр, и Семён любили Катеньку. Та же любила их обоих, но не знала... кого

больше. Все соседи и друзья подшучивали над ними. Ребята часто ходили гулять втроём, и Катенька держала мальчишек под руки. Они были счастливы и ужасно горды тем, что такие смелые. Подростки родом из простых пролетарских семей. У Кати отец погиб в Первой мировой, и его место занял дядя Витя, который исчезал на несколько дней – недель, а появившись, устраивал на улице большой праздник.

Ребята росли быстро и к восемнадцатому году, как и все пролетарские дети, были заражены вирусом коммунистического идеализма. Они стали самыми активными участниками всех митингов. Там их заметили старшие товарищи, после чего дальнейшая судьба была тесным образом связана с революционными преобразованиями в Сибири.

Все трое участвовали в приватизации и раскулачивании. Во время одного из таких рейдов Пётр и застрелил банкира Григория Афанасьева (о чём я рассказывал ранее). У некоторых это вызвало гнев и непонимание, а у старших товарищей – чувство гордости и уважения. Весть об этом «подвиге» быстро долетела до верхов. Оттуда и посоветовали помочь парню.

Уже в начале двадцатых Петра и Семёна отправляют на учёбу в военное училище. Катенька клятвенно пообещала их дожидаться. Она с головой ушла в партийную работу университета, в котором училась.

В течение всей учёбы Семён и Пётр исправно писали ей вдвоём одно письмо, и ответ был всегда один на двоих. Такая дружба постоянно вызывала много вопросов и усмешек, но юноши, храня клятву, оставались на своём.

Сразу после учёбы ребята вернулись в родной город. Нарядные, подтянутые, возмужавшие. Об их возвращении знала только Катя. Она пришла с двумя букетами цветов. Совершенно одинаковыми. Парни тоже успели купить на одной из промежуточных станций по букету полевых цветов, но, подумав, объединили их в один, но очень большой букет. Катенька была в восторге, как и ребята. Она превратилась в настоящую красавицу: стройная симпатичная, с огромными чёрными глазами и длинными чёрными волосами. Это была уже не озорная девчонка между двух парней, а молодая красивая девушка.

За время учёбы и комсомольско-коммунистической деятельности Катя добилась больших успехов. Были у неё поклонники как среди студентов, так и среди товарищей по партии. Но она хранила верность. За особые заслуги и усердие, по решению райкома партии и по личному ходатайству его председателя, одного из её тайных поклонников, девушке была выделена двухкомнатная квартира в центре город, куда, собственно, сразу после встречи и направилась наша троица.

К этой встрече Катенька подошла с особой тщательностью. Она сумела раздобыть много вкусного. Помогла деревня и непосредственно связи в райкоме партии. Было на столе и горячее, и холодные закуски, и спиртное. Катенька успела в своей жизни попробовать многое, в том числе и спиртное, а вот наши герои – увы. Служба, честь, дисциплина – держали их подальше от этого запретного плода. Они даже сначала хотели отказаться, но убедительный довод Екатерины – повод есть – взял верх. Всё началось красиво и весело. Они обнимались, целовались, говорили много лестных слов, вспоминали те дни, проведенные вместе. Но их разговор становился тягучее и притуплённое. Алкоголь в крови молодых людей творил чудеса. Он уводил их всё дальше и дальше, за рамки приличия и чести. Ребята даже не поняли, как все трое оказались в одной кровати. Точнее, у Кати было две кровати, и они каким-то странным образом оказались сдвинутыми.

Екатерина проснулась первой. Она была посередине. Встав, умылась, оделась и сказала: – Ребята, я убежала! Мне нельзя опаздывать. Еда на столе. До вечера!

Неведомая сила подняла Петра и Семёна с кровати и рассадил по обе стороны – спина к спине. Они окончательно проснулись, лишь когда дверь за Катей захлопнулась. Боясь посмотреть друг на друга, тяжело дыша, хранили молчание. Не знали они, как дать оценку произошедшему. Пётр нервно закурил, а говорить начал первым Семён.

– Мы прекрасно понимаем, что так не должно быть! То, что произошло, пусть останется только нашей тайной. А для себя мы должны решить, кто останется с Катей, а кто будет лучшим другом семьи и... не больше!

– Я тоже так думаю, – сказал, обернувшись, Пётр. – Пусть Катя сама сделает выбор... хотя, если бы у неё и вправду было желание, она бы всё давно решила. Поэтому давай поступим так: когда она вернётся, чьё имя назовёт первым, тот и остаётся. Другой уходит и никогда больше не мешает.

Они встали, подошли друг к другу и крепко пожали руки. Это было крепкое рукопожатие. Очень крепкое! Так жмут руки соперники, гладиаторы перед боем. Два парня смотрели друг другу в глаза. С этого момента время дружбы начало свой ход в обратную сторону.

– До смерти! – добавил Пётр.

– До смерти! – подтвердил Семён.

До вечера они сидели в комнате, просматривали газеты, говорили о всякой ерунде, при этом понимая, что разговор не вяжется, и через несколько часов их жизнь изменится. Время тянулось, выворачивая душу. Два молодых офицера, готовых к бою хоть с самим дьяволом, не знали, как скрыть волнение. Алкоголь закончился ещё вчера – табак под утро. Пётр хотел было сбежать купить, но не давала покоя мысль о том, что в это время внезапно вернётся Катя, и вопрос «Сёма, а где Пётр?» может оставить его без шансов. Поэтому он собирал недокурные окурки и, обжигаясь, щурясь от едкого дыма, терпеливо ждал.

Это была настоящая пытка, испытание на прочность. И тот и другой проигрывали у себя в голове десятки разных вариантов. В каждом представляя себя победителем и тем, кто, извиняясь, будет жать руку проигравшему сопернику. Так, уже был готов успокоительный текст-обращение. Никто из них даже мысли не допускал, что будет проигравшим. Оба в памяти прокручивали все былые отношения, вспоминая, как однажды Катенька проявила свою большую симпатию. Это давало каждому основания предположить, что чаша весов, по логике, должна всё равно перевесить именно в его сторону. Ребята мысленно перечитывали все письма, силясь вспомнить, с кого она обычно начинала свои приветствия. Почему-то раньше и не обращали внимания, а сейчас это так важно.

Время. Оно застыло между стрелок, зацепилось за цифры, ему некуда спешить. Времени абсолютно всё равно, что раздробив его на часы, минуты и секунды, мы обрекли себя на вечное ожидание той границы, после которой наступит нечто, меняющее нас. Но в любом случае этот загадочный механизм не при чём. Как бы его не называли – часом, годом, столетием – оно делает своё дело. Его нельзя изменить, а остановить может только смерть и то лишь в отдельно взятом организме.

Катя вернулась где-то после пяти. Войдя в комнату, она сразу поняла – сейчас что-то будет. Девушка остановилась в прихожей, пытаясь по взгляду предугадать события. После короткой паузы Пётр спросил:

– Как дела, Кать?

Семён гневно глянул на соперника и выдавил:

– Не провоцируй!

А дальше произошло то, что раскололо жизнь троицы на «до» и «после». Больше всего этого не ожидал Пётр. Катя медленно перевела взгляд с Петра на Семёна и спросила:

– Что случилось, Сёма?

Электрический ток прошёл сквозь тела двух друзей. Одного наградив благодатью и счастьем, совершенно опустошив другого. Даря крылья одному и выкорчевав надежду и душу другому.

– Что случилось, Петя? – повторила она.

Ах, Катенька, если бы ты только знала, как не к месту был твой второй вопрос!

Пётр, глянув сквозь слёзы на обоих, так безнадежно ответил:

– Хорошо, всё хорошо.

Закрыв за собой дверь в счастливое безоблачное прошлое, он, сдержав обещание, ушёл. Он ушёл, как и обещал, но разлюбить её никому не давал обещания. Мысли о том, что именно он предложил это дурацкое соглашение, то, что он оказался вторым, хотя всегда и везде был первым, будут гнобить его всю жизнь.

Через месяц Семён и Катя поженятся. Пётр не сможет быть свидетелем на свадьбе. Он будет выполнять «срочное» задание. Молодые получают от него телеграмму с наилучшими пожеланиями. Катя родит сына, Саньку. Оставшись без любимой, Пётр с головой уйдёт в работу. Начнёт подниматься в званиях и должностях. В 1939 году будет назначен начальником спецотдела по борьбе с врагами народа, официально – НКВД. У него будет отдельный кабинет, где я, ваш покорный слуга, буду играть немаловажную роль, по крайней мере, так думаю.

Телефоны, часы и чернильница из камня – дело рук народных умельцев, что оттачивают камни и своё мастерство в сибирских тюрьмах. Огромное количество уголовных дел, почитав которые, кажется, что все более-менее умные люди для того и умные, чтобы вить интриги, работать на иностранные разведки и точить изнутри коммунистическую власть, которая искренне заботится о тех, кто её любит. А любить её должны все, даже в местах столь удалённых. Там, по основному замыслу, эти чувства должны были многократно усилиться.

Но вернёмся к Петру. Будучи начальником, он добился перевода Семёна под своё руководство. Жажда быть первым и лучшим не оставляла его. Катя должна пожалеть, что упустила такой шанс. Они будут дружить, приглашать Петра на ужин, звать на пикники и в походы. Пётр же будет честно играть эту ему ненавистную роль соперника.

Семён с Катей очень любили друг друга, что было видно по их отношениям: взгляды, разговоры, ухаживания. Пётр старался этого не замечать, но его профессиональные навыки не давали такой возможности. И он, наверное, сошёл бы с ума, если бы не Санька. Мальчонка рос красивым и смышлёным. Пётр буквально души в нём не чаял. Ещё будучи маленьким, Санька чаще сидел на коленках у Петра, нежели у отца. И чем взрослее мальчик становился, тем больше времени они проводили вместе. Несмотря на всю свою занятость, Пётр находил время водить его в лес и на рыбалку. Он был единственным человеком, кому Сашка доверял свои тайны. Пётр этим очень гордился. По личному указанию, только два человека из гражданских могли зайти к нему в кабинет без пропуска. Эти двое были Катя и Санька.

Мальчуган с детства увлекался футболом. Иногда Екатерина приводила сына к Петру в кабинет, где они горячо по-взрослому обсуждали прошедшие игры, команды, игроков. Мать сидела на стуле в сторонке и с улыбкой наблюдала за тем, как взрослеет её сынок. А взрослел он действительно быстро. Всего добивался легко. Выделялся успехами в учёбе и в спорте. Играл за школу, будучи капитаном футбольной команды. Все девчонки в него влюблялись, все, кроме одной, – той самой, в которую он был влюблён. Единственный недостаток у юноши – хвастовство. Любил он, так сказать, выпендриваться. Родители, да и Пётр, не раз делали ему замечание. Но юношеский максимализм брал верх.

Катя всегда старалась помочь и поддержать Петра, дать ему почувствовать себя нужным и не одиноким. Она где-то в душе жалела его, ведь он так и не женился. Мало того, Пётр и не собирался этого делать. Он любил только её и ни о ком другом слышать не хотел. Неизвестно, как долго бы всё это продолжалось, если бы не один случай.

Однажды в управление пришла телеграмма. В ней сообщалось, что из тюрьмы совершен побег особо опасных преступников. Группа из девяти человек-рецидивистов, перебив охрану, завладела оружием. Прячутся где-то в тайге. Далее приметы и приказ уничтожить. Буквально на следующий день поступила информация из одного лесного хозяйства, что в охотничьем доме находится несколько вооружённых людей. Сомнения не было – это они.

Решение пришло как-то само собой. Это шанс. Послать Семёна. Да, Семёна! Получится – станет героем. Ещё спасибо скажет. А не получится – значит судьба! Будет «смена караула».

Жестоко? Да! А 16 лет без любви и ласки? Разве это не жестоко? Да что тут рассуждать? В конце концов, это его работа! Это его долг перед партией и отечеством.

Пётр приказал секретарю найти Семёна. Не прошло и 5-ти минут, как в дверь постучались.

– Войдите! – разрешил Пётр, куря у окна папиросу.

– Вызывал? – спросил Семён от двери.

Пётр не стал его осекать, но тут же перешёл на официальный тон, давая понять, что сейчас не до панибратства.

– Проходите, садитесь, товарищ капитан. Вчера из тюрьмы был совершён побег. Беглецы укрылись в егерском домике, что у Красной Поляны. Возьмите семерых бойцов и сейчас же выдвигайтесь. Они мне нужны живыми!

Пётр понимал, что это безрассудство, ведь приказ был уничтожить. Но им сейчас двигал не здравый смысл... Это шанс. Пётр его ждал. Его «несло»...

– О выполнении доложить мне лично! Вопросы?

– Сколько их?

– Девять.

– Вооружены?

– Частично.

– Товарищ майор, восемь человек против девяти, не маловато?

– Товарищ капитан, вы бойцы, а они измученные голодные каторжане. Если вы не сумеете выполнить приказ, – и уже с сарказмом, – я пришлю вам полк солдат в помощь!

– Приказ ясен. Разрешите идти?

– Кстати, задание секретное. Свободен.

Выходя из кабинета, Семён оглянулся. Их взгляды встретились. По его взгляду Пётр прочитал: «Я знаю, зачем ты всё это затеял!» Петра прошиб холодный пот. Дверь захлопнулась, и он буквально рухнул в кресло, сжав виски ладонями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.